

ВЕРТИНСКИЙ ВБЛИЗИ

21 марта исполнилось сто лет со дня рождения Александра Николаевича Вертинского, известного русского и советского артиста... Сто лет. Невольно всплывают в памяти его песни, ставшие яркой страницей истории нашей эстрады. Люди постарше вспомнят концерты Вертинского, попасть на которые считалось удачей; а те, кто помоложе, возьмут, наверное, пластинку знаменитого певца и включают проигрыватель... Мы же и для тех, и для других записали рассказ человека, четырнадцать лет работавшего вместе с А. Н. Вертинским, его бессменного аккомпаниатора Михаила Брехеса:

— Дело было в Чите в 1943 году. В городе я оказался по командировке. А предыстория тут такая: я окончил Ленинградскую консерваторию, аспирантуру при ней и был оставлен преподавать. Но началась война, консерваторию эвакуировали в Ташкент. Там сформировали бригаду для обслуживания воинских частей на Дальнем Востоке, и мы почти год разъезжали с концертами по гарнизонам. Попали и в Читу.

В один из дней в гостинице, где квартировала наша бригада, появился посыльный: «Мне нужен Михаил Брехес, пианист. Кто тут Брехес?» И повел он меня к товарищу Грубину, ведавшему в городе культурой. Тот протянул телеграмму. Из Москвы. Говорилось в ней примерно следующее: сделать все, чтобы А. Н. Вертинский мог дать два концерта в Чите — первом советском городе на пути его следования в столицу. Здесь он больше недели, но пока не выбрал себе пианиста. А потому мне надлежит завтра прибыть к 12 часам в театр.

Прибыл. Нас познакомили, ввели в класс. Вертинский открыл нотную тетрадь: «Начнем с этой. «В степи молдавской»...» Я посмотрел: две странички, три куплета. Глянул на музыкальную фактуру. С моей точки зрения, — все-таки консерваторское образование! — очень уж все простенько... Интересуюсь: «Играть так, как написано? Или можно что-то добавлять от себя?» «Ради бога, — предупредил Вертинский, — ни одной лишней ноты!»

Хочу напомнить: Вертинский оказался за рубежом в годы гражданской войны не потому, что не принял революцию — артистическая натура увлекла его в странствия. Позже он мне рассказывал, что одну из первых попыток вернуться предпринял еще в 20-е годы, — тогда, гастролируя в Польше, обратился за содействием к советскому послу. И получил отказ... Разумеется, расстроился. Однако, приехав на гастроли в Германию, обратился с аналогичной просьбой к Луначарскому, который находился в Берлине с делегацией Наркомпроса. Луначарский обещал поддержать просьбу, посоветовал заполнить положенные в подобных случаях бумаги и... результат был прежний: отказ.

...В общем, закончили репетицию. Выходим в коридор покурить. Там — Грубин и директор филармонии Сухачевский, у которого Вертинский жил в квартире, поскольку в гостинице стоял дикий холод, а у Александра Николаевича и его супруги Лидии Владимировны — малюсенькая Марианна, которой и года нет.

Вертинский сказал Грубину: «Назначайте концерты». Так с первого на советской земле и до последнего, в 1957 году, концерта я и работал с ним.

Концерты Александра Николаевича неизменно пользовались успехом. Он часто выступал в пользу детей, родители которых погибли на фронтах Великой Отечественной. Помню такой концерт вскоре после Победы — в Театре Советской Армии. Билеты стоили очень дорого по тем временам, но раскуплены были мгновенно. Перед выступлением он осмотрел сцену, рояль. Обратил внимание на микрофон: «А это зачем?» «Понимаете ли, — отвечали ему, — у нас зал акустически неблагоприятен. И в партере, и наверху, на галерке есть места, с которых ничего не слышно — звуковые «ямы». На эти места даже билеты не продаем». «Нет, вы микрофон уберегите, — сказал Александр Николаевич. — Без него буду петь».

Удивительно, но факт — в антракте знакомые актеры говорили: и в звуковых «ямах» каждое слово совершенно отчетливо было слышно.

Меня порою спрашивают: вот по всему миру гастролировал Вертинский, а пел всегда на русском языке. Как же его понимали слушатели? Да, по всему миру, в том числе в Соединенных Штатах полтора года, в Японии, Китае... И всякий раз на каждом кресле в зале для пришедших на концерт лежали отпечатанные типографским способом либретто песен Вертинского на языке данной страны. Кроме того, его артистический арсенал выразительных средств был так велик и яростен, что и без перевода с

русского песня, что называется, доходила до публики.

После гастролей в Японии Александр Николаевич надолго задержался в Шанхае. Первое время давал концерты, но материальные затруднения заставили выступать и в ночном ресторане, где посетителям предлагались только фрукты и шампанское. Не берусь утверждать, но, может, от тех времен — твердое правило, которого Вертинский придерживался неукоснительно: ужинать только дома!

Как-то, выступив в шанхайском русском клубе, он встретился с послом СССР. Тот спросил, почему Вертинский здесь, почему не едет домой? Вертинский ответил, что уже дважды кланялся и получал отказ. В дальнейшем беседа текла так:

— У вас была когда-нибудь мать?

— Что за странный вопрос? Конечно.

— А сколько вы могли бы поклониться своей матери?

— Да сколько угодно...

— Тогда кланяйтесь еще раз и заполняйте анкеты...

А спустя короткое время из Москвы пришли визы и паспорта всей семье.

На Родине Вертинский, известно, снимался и в кино. За исполнение роли кардинала в фильме «Заговор обреченных» его вместе с остальными артистами, занятыми в кинокартине, представили к званию лауреата Сталинской премии, пригласили в Министерство культуры — надо было сообщить данные о себе. Молоденькая секретарша допытывалась: «Вы — заслуженный артист? Нет? Значит, народный артист?..» «Ах, душенька, — вздохнул Вертинский, — у меня, кроме имени, ничего нет».

Премией он все же был отмечен.

Он любил каламбуры. Ценил удачную шутку. Помню, приехали мы на концерт в Мукачевский театр. А в нем рояль, ну, куда не годится! Вертинский возмутился, пригласил директора. Директор терпеливо выслушал и молвил:

— Дорогой Александр Николаевич! Хочу сказать вам, что этот инструмент исторический. На этом инструменте сам Шопен, — здесь директор выдержал паузу, — отказался играть...

Шутка понравилась, и о рояле больше не говорилось.

Недавно с Лидией Владимировной и Марианной мы побывали в Киеве, откуда Вертинский родом и где сохранился дом его детства. В 1945 году у Александра Николаевича были тут гастроли. Он водил меня по городу и узнавал его: «Смотрите, вот тут продавали мороженое Сулимова. Какое было мороженое! Да денег не было. А слышали ли вы о театре Соловцова?»

С театром Соловцова связан эпизод юности. Вертинский рано потерял родителей и воспитывался очень строгой тетушкой. Прознав, что у Соловцова набирают в труппу молодых статистов высокого роста, юный Саша немедленно отправился туда. И выяснил: чтобы быть принятым, надо заплатить три рубля управляющему труппой. Где взять деньги? Выход был один: позаимствовать, мягко говоря, у тетушки без ее ведома. Позаимствовал, получил в театре роль второго стражника у ворот дворца императора. Следовало ему по пьесе произнести в спектакле одно лишь слово: «Император!» Вертинский от природы грассировал, и получилось нечто вроде «импеато», после чего второй стражник был изгнан со сцены как непригодный профессионально. Тетушка, естественно, хватилась трех рублей, и Саше изрядно досталось. Тогда, пишет Вертинский в мемуарах, я окончательно убедился, что искусство требует жертв.

Мемуары эти, наверное, войдут в книжку, которая готовится к изданию. Войдут туда и письма Александра Николаевича. Часть из них Лидия Владимировна прочитала на встречах в Киевском Доме кино в минувшем феврале. Те письма, которые прислал ей Вертинский из Киева в 1945 году. А Марианна на этих встречах читала стихи отца, не положенные им на музыку. Таких стихотворений немало. И два вечера знаменитый певец как бы снова гостил в родном городе к радости бесчисленных поклонников его творчества и таланта.

В. СВИРИН